

События в Корее: взгляд из России

© 2014

А. Жебин

Важные события, происходившие в КНДР в течение 2011–2013 гг. породили очередной всплеск интереса к происходящему в этой стране. Полемизируя с отдельными российскими корееведами в оценке некоторых из этих событий, автор делает вывод о том, что в политической системе КНДР, а также в статусе ее нового лидера не произошло никаких принципиальных изменений по сравнению с периодом, когда во главе страны находился Ким Чен Ир.

Ключевые слова: КНДР, политическая система, армия, лидерство

Важные события, происходившие в КНДР в течение 2011–2013 гг. — смерть северокорейского лидера Ким Чен Ира и приход к власти его сына Ким Чен Ына, осуществленные при нем успешный запуск искусственного спутника земли и третье ядерное испытание, неоднократные перестановки в командовании вооруженных сил и, наконец, дело Чан Сон Тхэка, кульминацией которого стала казнь одного из самых высокопоставленных деятелей нынешнего пхеньянского руководства, породили очередной всплеск интереса к происходящему в этой, во многом остающейся малоизвестной для внешнего мира, стране.

Многие наши печатные и электронные СМИ, рассказывая об этих событиях, нередко ограничивались некритическим изложением самых невероятных слухов и домыслов. К сожалению, не избежали серьезных ошибок при анализе текущих политических событий и некоторые известные корееведы, которые вроде бы успешно поработали на других направлениях корееведения.

Остановлюсь на одной из публикаций, являющейся характерным образцом такого рода исследований. Она посвящена изменениям в политической системе КНДР в 2011–2012 гг.¹

Уже во введении автор, петербургский историк-кореевед С.О. Курбанов утверждает, что он распознал то, что осталось «незамеченным большей частью мировой общественности» — а именно, то, что «Ким Чен Ын не «унаследовал» власть отца... а занял совершенно иную, отличную от той, которая была у его отца, позицию в северокорейском обществе», которая, по мнению автора, дала новому лидеру «совершенно иные, гораздо более широкие полномочия».

Автор обосновывает свое «открытие» тем, что в совместной новогодней передовой статье трех газет КНДР 1 января 2012 г. Ким Чен Ын назван «высшим руководителем нашей партии, государства и армии». Для начала следует отметить, что впервые так место Ким Чен Ына в северокорейском обществе было охарактеризовано не 1 января, а 19 декабря 2011 г. в информационном сообщении о кончине Ким Чен Ира².

Из публикации явствует, что только из анализа материалов 5-й сессии Верховного Народного Собрания (ВНС) КНДР 12-го созыва, состоявшейся 13 апреля 2012 г., автор узнал, что «якобы еще 3 года назад», в 2009 г. Ким Чен Ир в очередной раз был выдвинут на пост председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР и что тот, кто занимает этот пост, является «высшим руководителем республики».

Почему «якобы»? Что помешало автору прочитать об этом в конституции в редакции 2009 г., изданной в Пхеньяне в 2010 г. на иностранных языках и долгое время висевшей на сайте «нэнара» на корейском языке? Заодно бы автор узнал, что тогда же, в 2009 г. в конституции появился новый раздел «Председатель Государственного комитета обороны КНДР», в котором как раз и было прописано, что лицо, занимающее этот пост, является «верховным руководителем КНДР»³.

Автор пишет, что таким образом еще в 2009 г. была ликвидирована «нестандартная» для государства ситуация, когда действующий глава государства де-юре отсутствовал. Если это произошло в 2009 г., как можно уже на следующей странице утверждать, что «согласно поправкам к конституции 2012 г. в КНДР вводится новая система государственной власти, в которой впервые за 14 лет (т.е. после 1998 г.) появляется позиция «руководителя государства»?

Если сравнить конституцию КНДР в редакции 2009 г., где в главе 6 появился раздел 2 о полномочиях и обязанностях председателя ГКО, с редакцией конституции 2012 г., то никаких дополнительных полномочий Ким Чен Ын по сравнению с его отцом не получил. В обеих редакциях указывается, что председатель ГКО является «верховным руководителем КНДР».

Еще в 1998 г. в своем выступлении на первой после смерти Ким Ир Сена 1-й сессии ВНС КНДР 10-го созыва, Ким Ен Нам, вносящий от имени Политбюро ЦК ТПК кандидатуру Ким Чен Ира на пост председателя ГКО, четко разъяснил: председатель ГКО — это «высшая государственная должность», позволяющая «руководить и командовать всеми политическими, военными и экономическими силами страны в целом»⁴.

Что же касается тех именно почетных, а не официальных титулов, на которые ссылается автор, то они многократно использовались и в отношении Ким Чен Ира. Министр народных вооруженных сил КНДР Ким Ен Чхун в выступлении по случаю переизбрания Ким Чен Ира на пост председателя ГКО в апреле 2009 г. использовал формулировку «высший лидер государства». Газета «Минчжу чосон» в передовой статье по случаю переизбрания Ким Чен Ира Генеральным секретарем Трудовой партии Кореи (ТПК) на 3-й конференции ТПК 28 сентября 2010 г. отмечала, что он стоит «во главе партии, армии и государства»⁵.

Ну, и наконец, читаем самого Ким Чен Ына, который в беседе с ответственными работниками ЦК ТПК 6 апреля 2012 г. прямо указал, что Ким Чен Ир «возглавлял партию, государство и армию»⁶.

Так что утверждения о том, что с 1998 г. «высшего руководителя государства» в КНДР не было, что Ким Чен Ир являлся якобы всего лишь «неформальным лидером страны» или «неформальным лидером государства», но «не был его руководителем», не подкреплены ни документами, ни материалами СМИ, ни реалиями самой КНДР и могут лишь вызвать ироническую улыбку у тех, кто на практике имел дело с этой страной.

В условиях, когда структура высших органов государственной власти осталось такой же, как и в 2009 г., а их полномочия практически не изменились, о какой иной «системе государственного управления», отличной от той, которая существовала при Ким Чен Ире, можно говорить?

Завершая тему почетных титулов, нельзя не обратиться еще к одному пассажиру рассматриваемой публикации, в котором утверждается, что Ким Чен Ына уже называют «отцом и матерью» народа, то есть титулом, которым при жизни величали Ким Ир Сена». Обращаемся к одной из работ Ким Чен Ира, в которой отмечается «Ким Ир Сен был

великим вождем народа, его отцом». А кому же Ким Чен Ир отводит роль матери? «Наша партия — это партия-мать», пишет он⁷.

Согласен с ним и нынешний руководитель КНДР Ким Чен Ын. В статье, опубликованной по случаю 100-летия со дня рождения Ким Ир Сена он пишет, что «для наших солдат и народа он был самым близким любимым отцом», а народ «почитал его как вождя-отца», «отца нации»⁸. Кому же Ким Чен Ын отдает функции матери? Конечно же, партии. «Парторганизациям следует... с материнским сердцем... беречь и любить людей... Ведь мать никогда не отделяет от себя ни одного из своих детей»⁹.

Еще одним «открытием» петербургского историка стало утверждение о том, что Ким Чен Ир стал новым лидером КНДР не потому, что он является сыном Ким Чен Ира, а «потому (и может быть, прежде всего, потому), что он внук Ким Ир Сена».

Безусловно, для легитимации Ким Чен Ына в качестве нового лидера КНДР используется его внешнее сходство с молодым Ким Ир Сенем. Но являлось ли это обстоятельство решающим фактором при выборе наследника? Обратимся к фактам. Во-первых, решение о выдвигении Ким Чен Ына на пост Верховного Главнокомандующего КНА было принято согласно «завету» Ким Чен Ира от 8 октября 2011 г. Именно он «решил вопрос преемственности руководства», что названо «одной из самых ценных заслуг» Ким Чен Ира в речи председателя Президиума ВНС КНДР Ким Ен Нама на центральном траурном митинге в Пхеньяне 29 декабря 2011 г. Кстати, главнокомандующим Ким Чен Ын стал не по «указу» ЦК ТПК, который вообще-то указы не издает, а в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ТПК, принятым 30 декабря 2011 г.

Стоит обратить внимание и на то, от чьего же имени правит Ким Чен Ын, на чей авторитет он прежде всего опирается. В этом аспекте показательны некоторые фотографии официальных мероприятий. Одна из них — зала расширенного заседания Центрального военного комитета (ЦВК) ТПК, состоявшегося в разгар очередного обострения обстановки на полуострове в феврале 2013 г. Вторая — зала расширенного заседания Политбюро ЦК ТПК 8 декабря 2013 г. по поводу дела Чан Сон Тхэка. В обоих случаях за спиной Ким Чен Ына и других членов президиума заседания — портрет Ким Чен Ира, а не Ким Ир Сена. Таким образом, при принятии важнейших внешне- и внутривластных решений Ким Чен Ын апеллировал, прежде всего, к авторитету Ким Чен Ира¹⁰.

Особенно «впечатляет» объяснение автором причин присвоения Ким Чен Ыну звания «маршал». Оказывается, это было сделано «для того, чтобы найти для молодого лидера новый, более звучный титул», которым можно было бы его называть. По мнению автора, упоминание в СМИ таких должностей Ким Чен Ына как «Первый председатель ГКО» или «Первый секретарь ЦК ТПК» (автор опять напутал: аббревиатура «ЦК» здесь явно лишняя — Ким Чен Ын — первый секретарь ТПК) якобы «невольно» вызывает ассоциации с постами покойного Ким Чен Ира — Генеральный секретарь ТПК, председатель ГКО и, якобы, говорит о том, что «первый — это все же «второй после». «Маршал» же — он един, неповторим и уникален», подчеркивается в публикации.

При этом как-то упускается из виду, что и при таком подходе «уникальный» маршал, по логике самого автора, опять остается «вторым после». Дело в том, что Ким Ир Сен и Ким Чен Ир являются генералиссимусами. Причем Ким Чен Иру это воинское звание присвоено посмертно в феврале 2012 г, а звание «маршал» Ким Чен Ыну — пять месяцев спустя — в июле 2012 г. СМИ КНДР полны материалов, в которых в одном предложении упоминаются два генералиссимуса и маршал. Только при этом партийные и государственные посты Ким Ир Сена, и Ким Чен Ира не приводятся. Зато сплошь и рядом говорится, что маршал Ким Чен Ын осуществляет идеи, продолжает дело генералиссимусов Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Так что и при упоминании «звучного титула» маршал ассоциаций отнюдь не того, что новый лидер — «второй после» — также не избежать¹¹.

Трудно допустить большее количество неточностей и ошибок при описании обстоятельств присвоения этого звания Ким Чен Ыну, которое допущено в рассматриваемой публикации. Начнем со звания «маршал». Для автора аналитической статьи, претендующей на новое слово в исследовании политической системы КНДР, было бы уместно пояснить — маршал чего? Дело в том, что маршалы в КНДР были и есть, помимо трех Кимов. Только это — маршалы Корейской народной армии (КНА) — покойный О Дин У и все еще здравствующий Ли Ыр Сер. А вот маршалами КНДР становились только Ким Ир Сен, Ким Чен Ир и Ким Чен Ын.

Такая же неточность присутствует при упоминании присвоения в сентябре 2010 г. Ким Чен Ыну звания генерала. Если для художественной литературы подобная вольность вполне допустима — «мне только бы досталось в генералы», то для данного текста полное название — «генерал армии» или по-западному — четырехзвездный генерал, представляется необходимым, особенно когда оно присваивается наследнику тогдашнего руководителя страны — Ким Чен Ира.

Наконец, о том, кто присвоил Ким Чен Ыну звание «маршал КНДР». Автор почему-то не считает нужным упомянуть идущий первым в этом списке ЦК ТПК. Следующий орган называется неправильно — Центральный военный комитет (ЦВК) ЦК ТПК, где «ЦК» опять же излишне, так как с 1982 г. ЦВК — это отдельный самостоятельный орган. Справившись без ошибок с названием третьего в списке органа — ГКО, автор делает очередное поразительное открытие — оказывается, упраздненный в результате изменений и дополнений в конституцию еще в сентябре 1998 г. Постоянный совет ВНС существует и дает добро на присвоение Ким Чен Ыну этого звания. На самом же деле в тексте официального северокорейского информагентства ЦТАК и газет черным по белому напечатано: Президиум ВНС КНДР. Это орган с совершенно другими функциями и полномочиями, глава которого Ким Ен Нам в феврале 2014 г. побывал у нас на Сочинской олимпиаде, где встретился с В.В. Путиным.

Публикация изобилует подобными ошибками и неточностями в наименованиях высших партийных и государственных органов и описании их полномочий. Приведем еще некоторые из наиболее существенных.

Так, автор утверждает, что согласно редакции конституции КНДР 1992 г. «ратификация и денонсация международных договоров передавалась от Президента Верховному Народному Собранию», а президент КНДР лишь «провозглашал» международные договоры. Смотрим пункт 5 раздела 2 главы 6 Конституции редакции 1992 г.: «Президент ратифицирует и денонсирует договоры, заключенные с иностранными государствами»¹². В пункте 19 1-го раздела этой же главы о полномочиях ВНС КНДР говорится, что этот орган «утверждает ратификацию и денонсацию договоров, предлагаемых Верховному Народному Собранию»¹³. То есть президент КНДР мог предложить ВНС ратифицировать тот или иной международный договор, а мог и не делать этого. И еще. Международные договоры — это, как правило, результат переговоров. Их парафируют, подписывают, заключают, ратифицируют, денонсируют, пролонгируют, наконец, но не «провозглашают», как уверяет нас автор. Даже человеку с полномочиями Президента КНДР это не дано.

Далее в материале утверждается, что редакция конституции 1992 г. зафиксировала создание нового органа — ГКО. Многие российские и зарубежные исследователи с этим не согласятся. Комитет обороны был прописан уже в конституции 1972 г. в качестве одного из специализированных комитетов при созданном тогда же Центральном народном комитете (ЦНК) КНДР. Так что речь идет не о принципиально новом органе, а повышении в 1992 г. статуса уже существующего и выводе его в этих целях из подчинения ЦНК. В пользу этого говорит и то, что в изданной в Пхеньяне на русском языке конституции в редакции 1992 г., в материалах агентства ЦТАК на русском языке и других русскоязычных изданиях КНДР прилагательное «государственный» перед словом «комитет»

до сентября 1998 г. отсутствовало и появилось только после реформирования высших органов государственной власти в сентябре 1998 г. Тогда после закрепления поста Президента КНДР за усопшим Ким Ир Сеном навечно, упразднения ЦНК, Постоянного совета ВНС статус и полномочия ГКО были расширены¹⁴.

Автор постоянно путается в названиях высших органов партии и государства. Так, оказывается, 28 сентября 2010 г. решением конференции ТПК Ким Чен Ын был назначен заместителем председателя «Комитета обороны ЦК ТПК». Читателей тут же предупреждают: «не путать этот орган с Государственным комитетом обороны». Спутать действительно трудно. Потому что такого органа — Комитета обороны ЦК ТПК — не было и нет в КНДР. А речь идет о Центральном военном комитете (ЦВК) ТПК.

Весьма сомнительными выглядят утверждения о том, что Ким Чен Ын до кончины Ким Чен Ира ни разу не выступил в качестве «самостоятельного политического лидера», лишь только сопровождал Ким Чен Ира в его поездках для руководства на месте, а также не публиковал никаких трудов. Отсутствие официальных сообщений на эту тему при жизни Ким Чен Ира отнюдь не доказывает того, что таких событий не было. Показанный по северокорейскому телевидению 8 января 2012 г. документальный фильм свидетельствует об обратном. В печати КНДР уже появились сообщения о том, что первые труды Ким Чен Ына, посвященные военной стратегии, были написаны им еще в 16-летнем возрасте¹⁵.

Столь же малообоснованными выглядят рассуждения о новизне, которую якобы демонстрирует Ким Чен Ын в экономической сфере. Первым аргументом автора является утверждение о том, что Ким Чен Ын 1 мая 2012 г. посетил завод, на котором «предпринимательскую деятельность» ведет «товарищ Хо Чхоль Ён». Основаны эти доводы на переводе слова «саопхада» как «вести предпринимательскую деятельность». Отсюда делается вывод, что своим посещением Ким Чен Ын показал, что он «уделяет особое внимание рыночным механизмам в экономике».

Но даже если оставить без внимания такой вариант перевода (а правильный перевод: «завод, где работает товарищ Хо Чхоль Ён») и дочитать до конца сообщения ЦТАК о посещениях руководителем КНДР этого и других предприятий, где различные «товарищи» якобы ведут «предпринимательскую деятельность», то выяснится, что указанный завод «много раз» посещал и «отец-полководец», т.е. Ким Чен Ир. Более того, незадолго до своей кончины, он дважды в течение одного месяца — 12 и 25 ноября 2011 г. — побывал на предприятиях, где, при принятии авторского варианта перевода, «велась предпринимательская деятельность». Так что никакой новизны и здесь нет, и следуя логике автора, Ким Чен Ир тоже не чурался уделять «особое внимание» рыночным механизмам¹⁶.

Если следовать предложенному автором варианту перевода, то предпринимательская деятельность ведется различными «товарищами» также на машиностроительных и судостроительных заводах, предприятиях по обработке камня, выпуску товаров повседневного спроса и даже в рыболовецких и рыбоводческих хозяйствах при воинских частях¹⁷. В репортажах о посещении таких предприятий Ким Чен Ыном отмечается, что некоторые из них были построены военными строителями, на других с помощью военных была проведена масштабная реконструкция, построены детсады, бани, спортзалы и другие объекты соцкультбыта¹⁸.

Можно только поражаться такому размаху госкапитализма в КНДР — армия строит и реконструирует заводы и передает их новенькими, с иголки «товарищам», занимающимся на них «предпринимательской деятельностью».

Столь же безосновательным аргументом в пользу разницы в рыночных устремлениях нового и прежнего лидеров КНДР является упоминание об усилиях «новой власти» по развитию «новых свободных экономических зон с участием капитала КНР». При этом упомянута только одна из них — на острове Вихвадо. Между тем две зоны — на

островах Хвангынпхен и Вихвадо были образованы согласно указу Президиума ВНС КНДР от 6 июня 2011 г., т.е. еще при жизни Ким Чен Ира. 8–9 июня 2011 г. в Китае прошли церемонии открытия этих зон, а также зоны совместного управления и развития в ТЭЗ Расон. Тогда же было проведено заседание совместной корейско-китайской комиссии по совместному развитию и управлению этими зонами. И раз, как утверждает автор, Ким Чен Ын до смерти Ким Чен Ира ни разу не выступал в роли «самостоятельного политического лидера», то нам не остается ничего другого, как воздать должное за эти экономические новации именно Ким Чен Иру.

Скоропалительность ряда суждений заставляет предположить, что автор руководствуется принципом — если он о чем-то не читал, то этого никогда не было и быть не может. Оказывается, Ким Чен Ын предпочитает «лично руководить» военными учениями в отличие от своего отца, который как утверждается в публикации, ограничивался лишь «посещением» воинских подразделений. Обратимся к докладу министра народных вооруженных сил КНДР Ким Ен Чхуна, сделанному 24 апреля 2011 г. на торжественном заседании по случаю 79-й годовщины создания КНА. Перечисляя заслуги Ким Чен Ира в руководстве вооруженными силами, докладчик прямо упоминает, что лидер «лично на месте руководил учениями» воинских частей КНА¹⁹. Более того, Ким Чен Ир занимался этим буквально до последних дней своей жизни. 3 декабря 2011 г. он руководил артиллерийскими стрельбами, а 13 декабря — за 4 дня до своей кончины учебными полетами в одной из частей ВВС КНА²⁰.

Этим же на протяжении своей жизни многократно занимался и Ким Ир Сен, чему посвящено несколько страниц вышедшего в Пхеньяне в 1988 г. на корейском языке в издательстве ТПК 9-го тома многотомника «Немеркнувшие революционные заслуги великого вождя товарища Ким Ир Сена»²¹.

Тот же самый претенциозный подход отличает и раздел публикации, посвященной внешней политике КНДР. Упомяну лишь об одном пассаже. Оказывается, «сенсационные договоренности», достигнутые КНДР и США в феврале 2012 г., были, считает автор, «проигнорированы мировыми СМИ». А вот им самим они оказались, разумеется, замечены.

У тех специалистов, кто профессионально занимается северокорейско-американскими отношениями и ядерной проблемой Корейского полуострова и буквально тонущих в те дни в потоке сообщений и комментариев на эту тему в российских и зарубежных СМИ, да и самих дававших в тот период по несколько интервью ежедневно, данное утверждение ничего, кроме вопроса об адекватности восприятия автором этих событий вызвать не может.

Претензии на «оригинальность» и «новизну» взглядов и оценок заставляют автора забывать и о нормах русского языка, и о терминах, адекватно описывающих те или иные процессы в международных отношениях. В то время как практически все эксперты, анализируя нынешние конфронтационные отношения между КНДР и США, пишут о «желательности», «необходимости», «перспективах» (в зависимости от политических взглядов того или иного специалиста) их «нормализации», «улучшения», автор утверждает, что «ключевым условием достижения стабильности на Корейском полуострове» является «стабилизация» американо-северокорейских отношений. Что в данном контексте обозначает «стабилизация» — сохранение их в нынешнем, явно ненормальном состоянии?

Из публикации студенты-международники узнают, что встречи на уровне заместителя министра иностранных дел (со стороны КНДР) и американского спецпредставителя, должность которого ниже заместителя и даже помощника госсекретаря США, теперь называются переговорами «на высшем уровне». Остается только гадать, как будут автором названы переговоры на уровне руководителей внешнеполитических ведомств, и тем более — глав государств.

Так что «новое слово», сказанное некоторыми учеными, никогда ранее систематически не занимавшимися изучением ни политических процессов в современной КНДР и ее внешней политики, ни международных отношений в целом, как показывает анализ их изысканий, зачастую порождено незнанием политических реалий и истории этой страны, эволюции ее политических институтов, игнорированием терминологии, используемой при описании указанных процессов и стремлением освоить эту проблематику кавалерийским наскоком. Отсюда выводы, основанные зачастую на отдельных, выхваченных из исторического контекста или случайно попавшихся на глаза фактах, невнимательном прочтении документов и других источников.

Появление подобных исследований — еще одно свидетельство того, насколько еще не готова наша высшая школа стать главной базой фундаментальных и прикладных исследований, заменив в этом качестве страноведческие институты РАН и отраслевые НИИ. Чиновники, принимавшие решения на этот счет, видимо, слабо представляют, что в действительности представляет собой «рабочее место» университетского доцента или профессора — гуманитария, на котором он должен, по их представлениям, создавать «новое знание». Это — один из столов в помещении кафедры (как правило, комнаты весьма скромных размеров, куда порой набиваются по несколько десятков человек). Этот стол он почти всегда делит с несколькими из своих коллег по кафедре. Об индивидуальном рабочем месте, оснащенном современной оргтехникой, доступом в интернет, с находящейся под рукой лично подобранной литературой по специальности и справочниками и, наконец, позволяющим просто поразмышлять в относительной тишине, абсолютному большинству вузовской профессуры можно только мечтать. Добавим сюда хроническую нехватку времени у «полноставочного» преподавателя из-за необходимости постоянно готовиться к лекциям, семинарам и т.п. и станет понятна еще одна причина, почему некоторые исследования ведутся урывками, бессистемно, знакомство с историей вопроса, в лучшем случае, превращается в очередное «открытие Америки», а в худшем — непознанное прошлое искажается, игнорируется или объявляется не имеющим отношения к делу, важные факты и тенденции сегодняшней жизни — упускаются.

Беда не только в том, что подобные «труды» подрывают авторитет российского корееведения в нашей стране и среди зарубежных специалистов. Какое мнение можно составить об уровне наших знаний о КНДР и понимании нами происходящих в ней процессов? Что еще хуже, издаваясь под эгидой уважаемых университетов и экспертных сообществ, попадая затем в библиотеки, списки рекомендуемой литературы, становясь учебными пособиями, они засоряют умы десятков и сотен студентов и других людей, интересующихся КНДР и непростой ситуацией, складывающейся в ней и вокруг нее.

-
1. Курбанов С.О. Новая политическая система КНДР и вопросы безопасности в Восточной Азии // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2012. С. 143–155.
 2. Нодон синмун. 2011. 19 дек.
 3. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз. 2010. С. 19.
 4. Нодон синмун. 1998. 6 сент.
 5. См.: ЦТАК. 2009. 10 апр.; Минчжу чосон. 2010. 29 сент.
 6. Ким Чен Ын. Будем глубоко уважать великого Ким Чен Ира как вечного Генерального секретаря нашей партии и доведем революционное дело чучхе до победного конца. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз. 101 чучхе (2012). С. 4.
 7. Ким Чен Ир. Трудовая партия Кореи — партия великого вождя товарища Ким Ир Сена. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 2010. С. 18–19.

8. *Ким Чен Ын*. Великий Ким Ир Сен — вечный вождь нашей партии и народа. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз. 2010, С. 8–9.
9. *Ким Чен Ын*. Будем глубоко уважать великого Ким Чен Ира как вечного Генерального секретаря нашей партии и доведем революционное дело чучхе до победного конца. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 101 чучхе (2012). С. 11.
10. Нодон синмун. 2013. 3 февр.; 2013. 9 дек.
11. Нодон синмун. 2013. 27 июля.
12. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1993. С. 19.
13. Там же. С 16.
14. Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1993. С. 20; Социалистическая конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1998. С. 20.
15. *Choe Sang-hun*. North Korea Tries to Build New Leader's Image // The New York Times. 2012. 9 Jan.
16. ЦТАК. 2012. 22 янв.
17. ЦТАК. 2011. 12 нояб.; 2011. 25 нояб.
18. См. сообщения ЦТАК: 2012. 22 янв.; 2012. 1 мая; 2013. 14 мая; 2013. 16 июня; 2013. 8 окт.; 2013. 1 нояб.
19. Нодон синмун. 2011. 25 апр.
20. ЦТАК. 2011. 3 дек.; 2011.13 дек.
21. Немеркнущие заслуги великого вождя товарища Ким Ир Сена. Т. 9. Строительство чучхейских революционных вооруженных сил. Пхеньян: Изд-во ТПК, 1988. С. 399–401.